

Научная статья
УДК 343.85
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-151-156>

О перспективах использования социальных неюридических норм в профилактике преступного поведения

Петровский Антон Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, Anton-Petrovski@yandex.ru

Аннотация. На современном этапе актуализируется вопрос о месте и роли социальных неюридических норм в системе предупреждения преступного поведения, их функциях в регулировании общественных процессов по нейтрализации криминогенных детерминантов, формировании правопослушного правосознания. Неиспользование профилактических норм, имеющих архетипичную природу, сформированных в определенной этнокультурной среде, в превентивных процессах обедняет криминологическую науку, лишает ее возможности предложить государству эффективные средства нейтрализации и устранения причин преступного поведения. Сложившаяся ситуация предполагает переосмысление перспектив использования для формирования криминологического (профилактического) законодательства культурных, профессионально-корпоративных, религиозных, традиционных норм и практик их применения в социальной действительности.

Ключевые слова: социальные нормы, профилактика, преступное поведение, религиозные правила, сдерживающая сила морали, традиция (обычай), криминологическая антропология

Для цитирования: Петровский А. В. О перспективах использования социальных неюридических норм в профилактике преступного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 151—156. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-151-156>.

Original article

About the prospects of using social non-legal norms in the prevention of criminal behavior

Anton V. Petrovskiy

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, Anton-Petrovski@yandex.ru

Abstract. At the present stage the question of the place and role of social non-legal norms in the system of preventing criminal behavior, their functions in regulating social processes to neutralize criminogenic determinants, and the formation of law-abiding legal consciousness is being updated. The non-use of preventive norms that have an archetypal nature, formed in a certain ethno-cultural environment in preventive processes, impoverishes criminological science, deprives it of the opportunity to offer the state effective means of neutralizing and eliminating the causes of criminal behavior. The current situation involves rethinking the prospects for using cultural, professional-corporate, religious, traditional norms and practices of their application in social reality to form criminological (preventive) legislation.

Keywords: society's rules, prevention, criminal behavior, religious rules, moral restraint, tradition (custom), criminological anthropology

For citation: Petrovskiy A. V. About the prospects of using social non-legal norms in the prevention of criminal behavior. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (62), pp. 151—156. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-151-156>.

Роль социальных неюридических норм в системе противодействия преступности редко становится объектом научных криминологических исследований. Однако утверждать, что отдельные аспекты влияния

неформальных норм на антикриминальное поведение людей не изучались криминологами, не совсем верно.

В ходе разработки методик антикриминальной стратегии в области межэтнических

© Петровский А. В., 2023

отношений аспекты криминологической этнологии и антропологии в контексте этнической преступности, ее причины и признаки, проявления этнической антикриминальной политики частично были рассмотрены в работах М. П. Клейменова, Р. Г. Чехходзе [1; 2]. Изучая причины деструктивного поведения, Л. В. Кондратюк указал, что преступление базируется на несовершенстве духовной природы человека и детерминируется не только биологическими, психическими и социальными факторами [2, с. 14]. Криминальность индивида является продуктом духовной эволюции личности как процесса взаимодействия сознания и подсознания [3, с. 30—32]. Рассматривая компонент духовности в механизме преступного поведения, А. Р. Папаян, Г. В. Мальцев, А. А. Тер-Акопов, А. А. Толькаченко, К. В. Харабет сделали вывод, что для противодействия преступности государству важно применять не только юридические нормы, но и необходимые для существования общества правила поведения, выражающие представления социума о должном в различных жизненных ситуациях и нашедшие свое отражение в религиозных текстах [4, с. 18—19; 5, с. 531—532; 6, с. 56; 7, с. 25—26]. В рамках современной отечественной антропосоциальной девиантологии В. А. Бачининым выдвинута идея о том, что внешние меры воздействия не изменяют человеческую склонность к криминальному поведению, это могут сделать только внутреннее состояние и осознание греховности поступков [8, с. 351—352]. Сам феномен христианской греховности как угрозы безопасности человеку и обществу, нашедший свое отражение в Ветхом и Новом Заветах, можно учитывать в виде метаосновы современной социально-правовой концепции предупреждения преступлений [9, с. 188—204]. Исследованию превентивного содержания религиозной нормы посвящено множество научных работ И. Бен-тама, В. В. Есипова, П. Сорокина, Н. С. Таганцева, которые позволяют сделать вывод, что содержательно религия всегда более расширительно толкует преступные деяния, чем уголовное законодательство, и подразумевает не только санкции, но и моральное воздействие [10; 11, с. 4—27; 12, с. 244—245; 13].

Социальные неюридические нормы, способные предупреждать преступное поведение, зарубежными учеными исследовались достаточно подробно. Криминологическая антропология как научное направление, изучающее нормы, правила, культурные особенности, поведенческие реакции представителей

криминальной среды, возникло еще в начале XX века. Это течение трансформировалось в отдельную дисциплину, разрабатывающую методику изучения исследований в религиозных, социальных, этнических группах (*Qualitative Research*) [14, с. 541—550; 15].

Характерно, что американскими криминологами серьезное внимание уделялось изучению антропологической среды преступников и деликвентов, сравнительным исследованиям эволюции антиобщественных процессов и асоциальных сообществ. Тем не менее наряду с исследованиями криминальных групп американскими и британскими учеными в течение длительного периода изучались внутрисемейные дисциплинарные правила, которые обусловливали применение к их нарушителю различных форм потестарного (внутригруппового насилия), такого как физическое наказание, критика или угрозы, выражение неодобрения, ограничение материальных благ, родительский бойкот [16, с. 644—657].

В ходе наблюдений было установлено, что несовершеннолетние в целом склонны к деликвентности в форме игнорирования, психической агрессии, оскорблений, но частота таких проявлений уменьшается при применении родителями эффективных нефизических наказаний, совмещаемых с обучением правопослушному поведению путем введения четких правил и соблюдения семейных традиций.

Криминологи Г. Беккер и позднее Дж. Брейтуэйт в своих исследованиях уделили много внимания воспитанию, изучению феномена стыда у деликвента, социального порицания со стороны авторитетных лиц, которые являются серьезными средствами превенции преступлений, потому что в обществах, где такие превентивные практики применяются, уровень преступности достаточно низок [17]. Предлагаемая Д. Гарландом идея (*new culture of crime control*) продвигает создание превентивного партнерства между государственными, частными, общественными организациями и гражданами; формирование целой системы взаимодействия по обеспечению общественной безопасности путем воспитания, обучения, повышения правопослушности граждан [18]. Необходимо отметить, что результаты исследований не стали предметом только научных дискуссий, правоохранительные системы США и Британии трансформировали научные идеи в профилактические практики превенции антиобщественного поведения несовершеннолетних, такие как родительский надзор, надзор работниками образовательного учреждения,

надзор со стороны работодателя, семейные коррекционные программы, программы общественной коррекции алкоголиков и наркоманов, программы по участию граждан в задержании преступников и охране общественного порядка и др. [19, с. 1037—1051].

В целом выводы иностранных криминологов совпадают с отечественными в том, что нейтральными криминальные причины и условия признаны следующие факторы: моральные нормы микрогрупп (семья, религиозная община), понуждение к правопослушности религиозных объединений, материнская любовь, отцовская любовь, материнский надзор, потестарное (символическое) насилие со стороны родителей или представителей этноса, семейная и этническая сплоченность, родительское руководство поведением ребенка, наличие внутрисемейных нормативных ценностей, совпадающих с общесоциальными. Таким образом, мораль, религиозные нормы, обычаи (традиции) можно использовать в качестве регуляторов отношений, связанных с нейтрализацией либо устранением причин и условий преступного поведения. Изучение указанных регуляторов можно вести в рамках криминологической нормативной антропологии, задачей которой будет выявление, изучение, анализ традиционных (обычных), религиозных, профессионально-корпоративных норм, сдерживающих преступное поведение в современных российских национальных либо географических сообществах, позволяющее более детально и приемлемо формализовать многие институты российской превенции.

Нормы морали отличаются от традиций (обычаев), религиозных предписаний, корпоративных правил тем, что моральные критерии человек устанавливает для себя самостоятельно, руководствуясь своей совестью и этическим состоянием социума. Антикриминальная моральность возникает не на пустом месте, общество должно созреть, превратить индивидуальную праведность поведения в коллективную. Если нормы морали, предусматривающие скромный образ жизни, определяющие стяжательство (меркантилизм) пороком, а также непреложное понимание добра и зла, добродетели и порока, благородства и низости, не поддерживается элитой либо властью, то никакой общепрофилактической функции они и не будут выполнять.

Изменчивость моральных норм и быстрота их эволюции показывают возможности их воздействия на социальное сознание. Эгоистичное поведение либо детская непочтительность по отношению к родителям, критерии сострадания

или милосердия не могут быть ни детально сформулированы, ни однозначно восприняты всем обществом. Для того, чтобы моральные абсолюты и нравственные ценности образовывали единую систему с профилактическим законодательством, необходимо их проникновение в коллективное или микрогрупповое сознание, отражение в нормативных правовых актах, реализация в педагогических и воспитательных процессах. Решение видится в очередных изменениях Конституции Российской Федерации, конкретизирующих эти абсолюты, упоминаемые в преамбуле, то есть разъяснить, что есть добро и справедливость, в которые мы должны верить. Декларируемое в Основном законе почитание памяти предков есть соблюдение населением традиций и обычаев народов, населяющих Россию, или что-то другое? Наступила пора законодателю конкретизировать и разъяснить те понятия, о которых говорится в Конституции. Именно эта моральная составляющая выработает социальное понимание, что такое общественная опасность, социум будет порицать деяние не потому, что оно преступно, но потому, что оно есть проявление высшей степени аморальности.

Сфера общественных отношений, регулируемых *религиозными нормами*, распространяется на: 1) индивидуальное поведение; 2) межличностное общение между людьми, имеющими отношение к религиозным организациям; 3) взаимодействие в религиозной сфере государства и религиозных организаций; 4) трудовую и образовательную сферу в религиозных организациях.

Рассматривая криминологическое значение религиозных норм в целом, необходимо помнить, что они отражают нравственные категории верующих, проживающих на территории России, и формируют субъективные представления о том, какими должны быть общественные отношения и правила поведения людей [20, с. 26—234]. В соционормативной структуре российского государства отдельные религиозные нормы либо размежеваны с законодательной системой, либо дополняют ее. Религия как социальное явление выполняет интегративную функцию, укрепляя социальную солидарность, определяя: отношение верующих людей к государственным законам, признание и уважение государственной власти, желание пресекать противоправные явления или устранять криминальные детерминанты, не соответствующие религиозному воспитанию.

Использование религиозной нормативной системы государством должно быть положено

в основу построения юридической совместности правоохранительной и духовной жизни, где законопослушность и желание содействовать органам власти в превенции криминального поведения имеет богозаветное объяснение. Религиозность требует от человека поведения, которое может быть одобрено совестью, это уважение родителей, любовь детей, самоограничения, исключаящие роскошь и излишества, исполнение обязательств, возложенных индивидуумом на себя добровольно, исключение из жизни обмана и причинения имущественного и физического вреда ближнему.

Несмотря на серьезные различия в догматике исламской и православной конфессий, диалог между ними возможен, особенно в области предупреждения отдельных видов общественно опасного поведения — наркомании, управления транспортными средствами в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, семейного насилия. Религиозная норма — выражение воли Бога, не отменяет и не изменяет норму морали, закона, но придает этому правилу (положению) особую силу, дополняя ее духовным смыслом. Важным критерием реализации справедливости уголовного наказания будет религиозный механизм прощения и примирения потерпевшего с преступником, которое должно представлять собой закрепленный в законодательстве механизм восстановления личных имущественных прав и индивидуального психологического баланса жертвы. Религиозные нормы должны стать основой и резервом для развития таких законодательных криминологических институтов превенции, как участие граждан в охране общественного порядка; исправление осужденных в период отбывания ими уголовного наказания; ресоциализация бывших осужденных; социальная реабилитация лиц, злоупотребляющих алкоголем и наркотическими средствами; помощь несовершеннолетним и семьям, находящимся в социально опасном положении.

Как известно, *обычай и традиции*, будучи одним из древнейших средств и методов воздействия на поведение индивидуума, отражают исторически сложившуюся национальную культуру и национальный характер того или иного народа. Обычное право затрагивает все стороны жизни общества: взаимоотношения людей, человека и его отношение к семье, к представителям других народов, деликвентному поведению, совершению преступлений и действий по их пресечению. Эти требования (нормы)

достаточно жизнеспособны и устойчивы, они влияют на дальнейшее развитие последующих поколений, выполняют функцию сохранения и передачи опыта, навыков, культурных достижений, немного видоизменяясь в зависимости от объективной действительности и материальных потребностей [21, с. 20—21].

Ввиду особенностей территориального и экономического развития России, ее этнокультурного разнообразия возникает необходимость исследования обычно-традиционных нормативных институтов, которые можно использовать в предупреждении преступного поведения. Эти социальные правила, которые теоретик права Рене Давид с учетом их роли в правовой системе страны назвал *praeter legem* (в дополнение к закону), можно применять в случае пробелов в профилактическом законодательстве [22, с. 95]. Для Российской Федерации как многонационального государства использование антикриминального потенциала традиционных (обычных норм) может способствовать усовершенствованию законодательной и правоприменительной системы предупреждения преступлений. У ряда народов, проживающих в Приволжском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах России исторически сложившиеся традиции (обычаи) играют важную роль в социализации и жизнедеятельности: культурно-фольклорные, семейно-иерархические, социально-коммуникативные, морально-этические, имущественные. Некоторые традиции (обычаи) имеют приоритетное значение по сравнению с действующим законодательством, потому что их соблюдение обеспечено общественным принуждением и оценочным критерием принадлежности к этносу.

Представляется, что использование воспитательного опыта, содержащегося в обычаях (традициях), — наиболее перспективное направление для института антикриминальной превенции. Проблему родительского авторитета можно решать за счет возрождения «патриархальности» в семье, когда уважение родителей обязательно для младших, а общество осуждает неподчинение детей разумной родительской воле. Неформальные нормы, регулирующие отношения между родителями и детьми, могут быть адаптированы к современности с учетом социального и экономического развития общества, а создаваемая модель ювенальной юстиции обязана учитывать отдельные элементы и положительный потенциал обычного права. Региональное криминологическое законодательство может формироваться на основе

национально-этнических потребностей населения, которые после социально-правовых исследований, с учетом исторического прошлого могут быть имплементированы в юридическую систему.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что роль социальных неюридических норм в системе предупреждения преступному поведению заключается в том, что: 1) неформальные антикриминальные нормативные институты наряду с юридическими правилами и практиками принуждения являются составной частью институциональной системы превенции преступного поведения в государстве, реализуя принцип *praeter legem*; 2) психические моральные переживания, ценностные представления, социальные оценки и установки наряду с уголовным запретом позволяют признать отдельные виды поведения индивида общественно опасными, недопустимыми, вредными природе человека; 3) использование религиозной нормативной системы государством может быть положено в основу построения юридической совместимости правоохранительной и духовной жизни; 4) традиции (обычаи) — это древнейшее средство воздействия на вредное для общества поведение индивидуума, которое достаточно жизнеспособно и устойчиво, влияет на развитие последующих поколений, выполняет функцию сохранения и передачи опыта, навыков, культурных достижений, поддерживает устойчивую коммуникацию между индивидом и различными группами, обеспечивая антикриминальную стабильность.

Необходимо в рамках науки криминологии (криминологической антропологии) наряду с юридическими изучать следующие неюридические нормы антикриминальной превенции: потестарного внутрисемейного понуждения родителями детей, склонных к антиобщественным поступкам; разрешения конфликтов посредством совета старейших мужчин либо лиц, обладающих качествами лидера и авторитетом; поддержания порядка в коллективе (этнотипе, народности); правил добросовестного и морально одобряемого поведения; неформальных санкций, порождающих покаяние, стыдливость, раскаяние, приносящих морально-материальные издержки, остракизма; идентификации одобряемого поведения индивида с социальными, этническими, профессиональными правилами с целью разработки приемлемых для территориальных, географических, этнических сообществ мер (форм) профилактики антиобщественного поведения.

Список источников

1. Клейменов М. П. Введение в этнокриминологию. Монография. Омск: Омская акад. МВД России. 2004.
2. Чехходзе Р. Г. Этнические аспекты преступности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999.
3. Баранов В. М., Овчинников А. И. Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе // Государство и право. 2011. № 6.
4. Папаян Р. А. Христианские корни современного права. Москва: Изд-во Норма, 2002.
5. Мальцев Г. В. Нравственные основы права. Москва: Изд-во СГУ, 2008.
6. Тер-Акопов А. А. Христианство. Государство. Право. Москва: Изд-во МНЭПУ, 2000.
7. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К. В. Харabet, А. А. Толкаченко. Москва: Норма, 2009.
8. Бачинин В. А. Интертекст мировой цивилизации: христианская геосоциальная девиантология (методологические проблемы) // Глобализация и девиантность / под ред. Я. И. Гилинского. Санкт-Петербург: Изд-во Юридический центр Пресс, 2006.
9. Носков Ю. Г. Религия и проблемы безопасности: сборник научных трудов Военного университета. 1998. № 2. Ч. 2.
10. Bentam J. An introduction to the principles of morals and legislation. 2007. Oxford, Charedon Press.
11. Есипов В. В. Грех, преступление, святотатство и кража. Санкт-Петербург: Тип. А. Ф. Маркса, 1894.
12. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Москва: Изд-во Астрель, 2006.
13. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. Москва: Изд-во URSS, 2015.
14. Calvey D. Covert Ethnography in Criminology: A Submerged yet Creative Tradition // Current Issues in Criminal Justice. 2013. Vol. 23. Issue 1.
15. Treadwell J. Criminological Ethnography: An Introduction. London: SAGE Publ., 2019.
16. Hoffman L. W., Changes in family roles, socialization, and sex differences // American Psychologist. 1977. № 8 (32).
17. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд, воссоединение / пер. Н. Д. Хариковой. Москва: Центр Судеб-правовой реформы, 2002.
18. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press Publ., 2003.
19. Smith E. M., González R., Frigolett C. Understanding Change in Social-Movement Participation: The Roles of Social Norms and Group Efficacy // Political Psychology. Vol. 42. Issue 6.

20. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Религия и преступность // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2.

21. Леонтенкова Е. А. Этнокультурная экспертиза законодательства (доктрина, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022.

22. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с франц. В. А. Туманова. Москва: Прогресс, 1988.

References

1. Kleymenov M. P. Introduction to ethnocriminology. Monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2004. (In Russ.)

2. Chefkhodze R. G. Ethnic aspects of crime. Dissertation... candidate of legal sciences. Omsk, 1999. (In Russ.)

3. Baranov V. M., Ovchinnikov A. I. Ethnocultural expertise in the law-making process. *State and Law*, 2011, no. 6. (In Russ.)

4. Papayan R. A. Christian roots of modern law. Moscow: Norma Publ., 2002. (In Russ.)

5. Maltsev G. V. Moral foundations of law. Moscow: SGU Publ., 2008. (In Russ.)

6. Ter-Akopov A. A. Christianity. State. Right. Moscow: MNEPU Publ., 2000. (In Russ.)

7. Christian doctrine of crime and punishment / scient. ed. by K. V. Kharabet, A. A. Tolkachenko. Moscow: Norma Publ., 2009. (In Russ.)

8. Bachinin V. A. Intertext of world civilization: Christian geosocial deviantology (methodological problems). Globalization and deviance / ed. by Ya. I. Gilinsky. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2006. (In Russ.)

9. Noskov Yu. G. Religion and security issues. *Collection of scientific works of the Military University*, 1998, no. 2, part 2. (In Russ.)

10. Bentam J. An introduction to the principles of morals and legislation. Oxford: Charedon Press Publ., 2007.

11. Esipov V. V. Sin, crime, sacrilege and theft. St. Petersburg: A. F. Marx Publ., 1894. (In Russ.)

12. Sorokin P. A. Crime and Punishment, Feat and Reward: a Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality. Moscow: Astrel Publ., 2006. (In Russ.)

13. Tagantsev N. S. Research on the responsibility of juvenile delinquents under Russian law and draft regulations on this issue. Moscow: URSS Publ., 2015. (In Russ.)

14. Calvey D. Covert Ethnography in Criminology: a Submerged yet Creative Tradition. *Current Issues in Criminal Justice*, 2013, vol. 23, issue 1.

15. Treadwell J. Criminological Ethnography: An Introduction. London: SAGE Publ., 2019.

16. Hoffman L. W., Changes in family roles, socialization, and sex differences. *American Psychologist*, 1977, no. 8 (32).

17. Braithwaite J. Crime, shame, reunion / transl. by N. D. Kharikova. Moscow: Center for Judicial Legal Reform Publ., 2002. (In Russ.)

18. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press Publ., 2003.

19. Smith E. M., González R., Frigolett C. Understanding Change in Social-Movement Participation: The Roles of Social Norms and Group Efficacy. *Political Psychology*, vol. 42, issue 6.

20. Lelekov V. A., Borodin A. D. Religion and crime. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2. (In Russ.)

21. Leontenkova E. A. Ethnocultural expertise of legislation (doctrine, practice, technique). Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022. (In Russ.)

22. David R. Basic legal systems of our time / transl. from French by V. A. Tumanov. Moscow: Progress Publ., 1988. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 15.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 15.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.